

Неделя - 1982 - Забр. (с 31) - С. 20.

страницы воспоминаний

Эти воспоминания предоставила нам Е. М. Метельская-Абдулова, вдова замечательного советского антера Осипа Абдулова. Они приоткрывают еще одну, ранее неизвестную страницу биографии Владимира Маяковского.

В начале 20-х годов Винница была небольшим городом. Тисяч сорок населения. Особой гордостью винничан был их театр — Одесского, только поменьше. Трехъярусный, строгих пропорций, с отличной акустикой, он привлекал гастролеров.

Однажды в городе появилось множество афиш с интригующей надписью огромными красными буквами: «Едет!»

Кто едет? Зачем? Никто не знал. Через три дня город был оклеен новыми плакатами. На сей раз они гласили: «Едет! Едет! Едет!!!»

Наконец, через неделю над главной улицей протянулись длинные транспаранты: «Едет Владимир Маяковский!» В местной газете появилась заметка о том, что поэт Владимир Маяковский будет выступать в городском театре.

Я в ту пору знала единственное стихотворение поэта — «Левый марш». Оно особенно нравилось бойцам, и я всегда приберегала его к концу, когда вместе с другими школьниками выступала в лагерь.

Как-то один инвалид, который все время молчал, но громче всех аплодировал, помнил меня к себе и прохрипел (он был отравлен на фронте ипритом): «А знаешь его стих «В сто сорок солнц закат пылал...»? Нет? Эх, жаль...»

Вот я и задумала просить Маяковского продиктовать мне это стихотворение. Только как это сделать? Не в театре же во время антракта!

У театрального электротехника я разузнала, что Маяковский уже приехал, остановился в гостинице «Бель-Вью». Возможно, он у себя, отдыхает перед завтрашним выступлением. Не рассердится же

весь первый этаж которого занимал книжный магазин Шера, лучший в городе. В каждом окне висели анонсы о приезде Маяковского. Он торжественно смерил нас взглядом, открыл дверь и подошел к прилавку.

Молодая продавщица любезно ответила: — Пожалуйста, загляните через неделю, мы выписали книжки Маяковского из Киева.

— Позовите директора. Я — Маяковский.

Вышел импозантный Шер в пенсне, с золотой цепочкой часов на жилете. Просил извинить великодушно, — плохо, мол, ходят поезда. А Владимир Владимирович отчитывал его: реклама успела пожелтеть в витринах, а он, владелец лавки, до сих пор без книг.

— И это называется — советская торговля!

Мы повели Маяковского в другой магазин, в третий. Всюду та же картина. Маяковский явно подобрел к нам.

— Ну что ж, я проиграл. Останетесь при ушах. Так уж и быть — продиктуйте.

«В СТО СОРОК СОЛНЦ...»

он, если я объясню ему причину визита. У меня была подружка Верочка. Я уговорила ее пойти со мной для пущей храбрости.

— Да-а... А вдруг он нас прогонит?

— Мы же только на минутку! После школы у меня были еще занятия в художественной студии. Значит, прямо оттуда — в «Бель-Вью».

Верочка уже ждала меня у входа. От волнения она все время поправляла очки, вечно сползавшие с переносицы.

Нам сказали, что Владимир Владимирович на втором этаже, в двадцать девятом номере. Мы подошли к двери.

— По-моему, ты ужасно растрепана, — сказала внезапно ошпишим голосом Вера и попыталась пригладить мои вихры.

Я махнула рукой и тихонько стукнула два раза.

Молчание.

— Его, наверно, нет, — с надеждой прошептала Вера.

Я постучала громче.

— Кто там? — послышался басовитый голос.

Мы молчали. Дыхание перехватило.

— Да входите же!

Я толкнула дверь.

В пустой комнате на единственном стуле сидел очень большой человек. Облокотясь о стол, он кулаком подпирал массивный подбородок. Ноги его были вытянуты вперед, в ботинках на толстой подошве они почти достигали дверей. Оттого, что он сидел спиной к окну, трудно было сразу разглядеть черты его лица. Смуглое, крупной лепки, оно поражаало сумрачным выражением. Он смотрел на нас внимательно, чуть исподлобья, и полулуния белков его светились в темноте.

— Что вам нужно? — хмуро спросил Маяковский.

Мы так и стояли, застыв у порога. Наконец мне удалось сбивчиво объяснить, зачем мы пришли.

— А не проще было купить книжку в магазине или хотя бы переписать стихи в библиотеке?

— Но книг Маяковского нет у нас нигде!

— Врете!

— Честное благородное! — замотала я головой.

— Хорошо. Сейчас вы пойдете со мной в книжную лавку. И если там найдется хоть один экземпляр... я надеру вам уши... барышни!

Он неожиданно легко поднялся, шагнул в смежную комнату и вышел оттуда в темном полу пальто и кепке. Клетчатый шарф окутывал его шею.

Мы вышли. На другой стороне улицы высился добротный трехэтажный дом,

Мы вернулись в гостиницу. Он вынес из соседней комнаты два стула и коробку шоколадных конфет:

— Угощайтесь.

Мы стали дружно отнекиваться.

— Отказываться, когда угощают, — невежливо, — сказал он. — Ешьте — вкусные.

Я протянула руку. Он перехватил ее, стал рассматривать и поморщился: рука моя была вся перемазана красками.

— Быть можно дельным человеком... И?

— И думать о красе ногтей, — пробормотала я машинально.

— Молодец. Знаешь Пушкина. А Маяковского — не знаешь...

Я вытащила тетрадку и карандаш.

— Погоди, раньше послушай.

Он начал читать. И почему говорили, будто Маяковский непонятен? Каждое слово как на ладони...

Второй раз он читал медленнее, чтобы я успевала за ним, но писала я быстро, даже торопила его.

— Все! — сказал он. Вырвал из своего блокнота листок, что-то записал и сунул мне:

— Завтра в семь, в театре. Это — контрамарка. Не запаздывать!

Счастливые, мы поблагодарили его и собрались уходить.

— Постойте, я хочу пройтись. Покажите мне самое красивое место в городе.

Мы с Верой решили показать ему район Кумбари. Нам нравилась большая каменная лестница, спускавшаяся к реке, к парому, и рядом — дом доктора Новинского: кирпичный, с зубчатыми башенками, балкончиками и балюстрадами. Там, в большом саду, бродили пятнистые антилопы, грациозные и совершенно ручные. А река — наш любимый Буг — огибает город подковой, и на другом берегу стадион. За ним необозримые дали.

По дороге, ободренные вниманием Владимира Владимировича, мы трещали наперебой. Поравнявшись с самым высоким зданием в городе — водонапорной башней, мы рассказали, как во время гражданской войны по флагу на башенном шпиле горожане узнавали, чья власть сегодня в Виннице.

Вот и Кумбари. Про лестницу Маяковский сказал: «В Одессе лучше». О доме доктора: «Ишь, нагородили!»

Из-за дома появились антилопы. Самая смелая подошла к чугунной решетке и просунула к нам любопытную мордочку. Маяковский быстро нагнулся, сгреб снежок, сорвал пучок травы и на ладони протянул ей. Она взяла лакомство бархатными губами и принялась жевать. Тут я впервые увидела его улыбку, нежную и счастливую. Он что-то тихо шептал.

Солнце уже спускалось за горизонт. Сразу похолодало.

— Ой, девочки, да вы совсем носы отморозили, — воскликнул Маяковский. — По домам, и поскорей!

Мы побежали, едва поспевая за ним.

— Значит, так: завтра в театр, а послезавтра у меня поезд. Проводите на вокзал... если хотите.

Хотим ли мы!

На другой день у театра творилось нечто неопишное. Пробравшись сквозь толпу, мы увидели у входа объявление:

«18.1.1924 года. Экспертная комиссия губнабобраза постановляет: считать доклад-лекцию поэта Владимира Маяковского политически-агитационно-образовательной. На основании существующего положения лекция подлежит освобождению от налогов...»

И еще: «Чтобы дать возможность прослушать доклад и ряд произведений поэта широким массам населения — количество билетов в рабочих кассах увеличивается на 50 процентов».

Администратор долго вертел записку Маяковского и в конце концов выделил

Аплодисменты взрывались стихийно. Он поднял руку:

— Хотите поговорить? Я охотно буду отвечать на вопросы.

Полетели записки, вопросы с мест. Попадались подчас нелепые, а то и зlostные. Ведь имя Маяковского издавна было окутано легендами, сплетнями и небывицами. Он остроумно парировал такие выпады, публика хохотала, а побежденный противник ретировался с позором.

Помню, встала милая девушка в красной косынке и сказала, что не понимает, зачем он печатает стихи «лесенкой»:

— Это правда, что за каждую строчку вы получаете по карбованцу, или люди врут?

— Для меня важно, — ответил он, — чтобы тот, кто читает мои стихи, точно следовал моей интонации. Эти цезуры-паузы между словами — служат как бы вехами, расставленными автором для читателя. Понятно?

— Нет, — сказала она смущенно. — Не совсем.

— Хорошо. Послушайте «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»...

Я, разумеется, за сутки затвердила это стихотворение назубок. Но сейчас оно мне показалось совсем новым.

Закончился вечер овацией.

В назначенный час утром мы подошли к подъезду «Бель-Вью». Огромная «испано-союз» с открытым верхом, единственная в Виннице автомашина, уже стояла у тротуара. Маяковский сбежал со ступенек, увидел нас с Верой.

— Ну что же вы, садитесь.

На широком заднем сиденье могли разместиться еще несколько человек. Владимир Владимирович сел рядом с шофером, впереди. Странно, что, кроме нас, никто не провожал его.

— Поехали!

Машина тронулась. И в этот момент сзади донесся истошный вопль:

— Стойте, сто-о-йте!..

По булыжной мостовой бежал за нами человек и кричал:

— Остановитесь! Я голодный! Я голодный!

Перекрывая шум мотора, Маяковский закричал в ухо шоферу:

— Не слышите, что ли? Голодный человек просит остановиться. Стоп!

Машина стала. Он догнал нас. Он был в одном пиджакишке, в потертой кепке, очень худой. Но весь расплывался в обаятельной улыбке.

— Спасибо, Владимир Владимирович, — говорил он, задыхаясь. — Извините, пожалуйста. Здравствуй! Я — Голодный, Михаил Голодный, поэт. Фу ты, как жарко!..

А было тогда градусов двадцать мороза.

Маяковский усадил его рядом с собой. Всю дорогу оба смеялись и оживленно разговаривали.

Так доехали мы до вокзала. На перроне Маяковского окружила большая толпа.

Ел. МЕТЕЛЬСКАЯ-АБДУЛОВА.

НА СНИМКЕ: В. Маяковский в один из приездов на Украину.

Фото М. Озерского.